

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

С 28 июня по 3 июля 1994 г. в г. Киеве на базе украинского института международных отношений при университете им. Т. Шевченко прошла Третья международная конференция "Язык и культура". Организатором конференции выступил Фонд гуманитарного развития "Collegium". Интерес к проблеме соотношения и взаимодействия языка и культуры объединил лингвистов разных стран: Белоруссии, Болгарии, России, США, Украины, ЮАР – всего 232 участника.

Программа конференции включала два пленарных заседания, работу секций "Философия языка и культуры", "Культурологический компонент языка", "Национальные языки и культуры в их специфике и взаимодействии", "Изучение национальных языков и культур в их специфике и взаимодействии", "Язык и художественное творчество", "Проблема гуманизации обучения и культурологический подход в методике преподавания языка и литературы". Завершилась конференция "Круглым столом", тема которого формулировалась как "Язык и духовные приоритеты в современном мире".

Общая гуманистическая тональность конференции была задана первыми тремя докладами пленарного заседания.

В докладе В.Л. Скуратовского (Киев) "Архетипы украинской культуры" рассмотрена проблема архетипа как сквозной структуры, выделены понятия универсального и национального архетипа. В.Л. Скуратовский предложил интересную трактовку слова как архетипа (слово-модель мира и слово-миф).

Дискуссионным оказалось выступление коллеги из Южноафриканской республики Р. Гамароффа "Культура, язык и научный интеллект". В докладе говорилось о проблемах образования в странах с мультикультурным укладом общественной жизни. Р. Гамарофф подчеркнул необходимость детального изучения так называемого глубинного языка (deep language), или языка

мысли, и отграничения его от языка интеллекта (language of intelligence).

С.Б. Бурого (Киев) в докладе "Трагедия духовного максимализма" привлек внимание к одной малоисследованной проблеме, а именно: действию принципа "Все или ничего" в художественном творчестве. "Соблазн" максимализма, по мысли докладчика, заключен в знании и ожидании идеала. Однако очевидна и статичность этой установки, ибо она отвергает преобразование, без которого невозможно себе вообразить творческий процесс. Теорию противопоставления принципа максимализма принципу творчества С.Б. Бурого доказывал на обширном материале литературы начала XX в.

Устроители конференции стремились к тому, чтобы избежать узкой специализации, свойственной современным гуманитарным областям знания, поэтому в работе секций были представлены доклады по лингвистике, психолингвистике, литературоведению, культурологии и философии. В рамках заседаний доклады тематически группировались.

При всем разнообразии прозвучавших на конференции сообщений можно очертить круг вопросов, которые более всего интересовали ученых.

Прежде всего это язык политики. Этой теме посвятили свои доклады многие участники конференции.

Е.А. Земская (Москва) выступила с докладом "Активные процессы современного русского словообразования". По ее мнению, политические и экономические события конца 80-х начала 90-х гг. оказали весьма значительное воздействие на язык в сфере словообразования. Большую активность обнаруживают ключевые слова эпохи. Например, слово *рынок* существенно расширило свой словообразовательный потенциал. Социально ориентированным оказалось отсустантивное образование существительных со значением процесса (типа *приватизация*). Возросло количество наименований лиц (*горбачевец, горбачевист,*

ельцист). Если сравнить удельный вес новообразований, то окажется, что лидерское положение занимают существительные, вторым по численности разрядом являются прилагательные (типа *проельцинский*), и лишь третье место отведено глагольным новообразованиям, которые все больше вовлекаются в сферу стилистической маркировки речи.

Наблюдения над экспрессивными средствами языка были продемонстрированы в докладе В.Н. Цоллер (Белгород) "Ключевые метафоры в политическом дискурсе". Докладчик считает, что метафоры в языке политики отражают определенные модели мышления и потому так популярны в дискуссиях. В докладе перечислены основные типы так называемых базовых, или ключевых метафор, которые способны порождать более частные метафоры. (К базовым отнесены метафоры "здания", "организма", "механизма", "театра" и т.п.)

Исследованию слова *ментальность* был посвящен доклад А.Ю. Ясницкого и И. А. Ясницкой (Харьков) «К вопросу о понятии "ментальность"». Анализ публицистических и научных текстов позволил авторам вычленить основные компоненты смысла, которые включены в это понятие: компонент национальный, пола, профессии, возраста.

Не остались без внимания на конференции проблемы речевой семантики.

М.В. Всеволодова (Москва) в докладе "Языковые интерпретационные механизмы" предложила классификацию механизмов языка, отвечающих за функционирование речевых построений в дискурсе. Основное внимание было сосредоточено на том комплексе механизмов, который определяет закономерности синонимических перефразировок (в докладе эти механизмы названы интерпретационными). Изучение выбора изосемического предложения, по мнению М.В. Всеволодовой, включает два основных момента: описание общего принципа перефразировки и создание типологии.

Сложная смысловая структура малоизученных речевых построений была представлена в докладе М.Ю. Федосюка (Москва) «О речевом жанре "уговоры"». Высказывания, относящиеся к этому жанру, охарактеризованы в докладе по семи параметрам. С точки зрения формальной организации в них выделены "побудительная часть" и "доводы". В докладе были рассмотрены случаи, когда имплицитно выраженной оказывалась та или другая сторона высказывания.

М.Ю. Федосюк рассмотрел четыре типа суждений, которые тяготеют к так называемым постулатам бытовой аргументации (т.е. доводам, заведомо известным адресату). Эти суждения, как правило, присутствуют в высказываниях имплицитно.

О проблемах импликации говорилось также в докладе А.А. Ховалкиной (Симферополь) "Затекстовая информация и способы ее текстовой экспликации". В центре внимания докладчика были специальные языковые средства, выполняющие роль указателей на затекстовую информацию.

Ю.В. Ковалев в докладе "Пространственно-временная организация публичного общения" показал значение проксемики для изучения семантической информации в различных коммуникативных ситуациях, таких, например, как ситуация публичного общения. Единицы пространства и времени обуславливают манифестацию социальных ролей. Последние воплощаются в речевых нормах построения текстов, относящихся к тому или иному речевому жанру.

Следует выделить группу докладов по сопоставительному анализу языков и отдельных говоров. Объединяющей является здесь тема национальных ценностей, представленных через язык. Это сообщение С.Н. Ильчевой (Красноярск) "Зоо и антропосфера в языковой картине мира", в котором рассмотрены широкие символические возможности зоологизмов в разных языках мира, что связано со спецификой образных представлений у каждого народа; выступление Ж.Ю. Кошелевой (Минск) "Национальный культурный компонент в этносинтаксисе". Сопоставление языковых фактов и проблемы перевода стали предметом обсуждения в докладах Д.С. Кульматовой (Ташкент) "История употребления местоимения *вы* в качестве формы вежливости в свете русских и среднеазиатских переводных дипломатических документов XVII в."; В.П. Бонева (Болгария) "О временном состоянии и развитии специализированной туристской лексики в близкородственных языках".

Язык Священного Писания и церковных обрядов представляет огромный пласт культуры, требующий пристального внимания лингвистики. Возрос интерес филологов к переводам Библии.

И.П. Климов (Минск) выступил с докладом «Комментарий и текст в "Евангелии Тяпинского" (к изучению славянских переводов Св. Писания)». На

основе толкования двуязычного издания (старобелорусский и церковнославянский), а также принимая во внимание лингвистический характер комментария, содержащего в маргиналиях, докладчик смог сделать вывод о значительном развитии филологической культуры на восточно-славянских землях в XVI в.

Истории еще одного славянского перевода библейского текста посвящен доклад Г.Г. Тяпко (Москва) "Общеславянская лексика в концепции совершенствования перевода Нового Завета В.С. Караджича (на материале абстрактной лексики)". В докладе показано, как перевод этого церковнославянского текста на сербский народный язык повлиял на формирование литературного языка. По мнению Г.Г. Тяпко, Караджич был вынужден активно использовать общеславянские лексемы *nomina abstracta* для передачи отвлеченных библейских понятий, таким образом была активизирована и вовлечена в употребление древнейшая глубинная часть сербского словарного фонда.

Об особой лексико-семантической оппозиции "света" и "тьмы" говорилось в докладе Т.Д. Похилевич (Львов) «Оппозиция "light" - "darkness" в Библии». Все коннотации слова *light* докладчик на основе детального анализа текстов Ветхого и Нового Заветов связывает с понятием Бога, а слово *darness* - с именем Сатаны.

А.Ю. Козлова (Коломна) в докладе "К вопросу о судьбе одного из сочинений Аристотеля в книжности Древней Руси" привлекла внимание к текстам Шестоплева и Палии, показав взаимодействие славянских литературных языков эпохи средневековья.

Проблемы языка художественной литературы нашли отражение в докладах Л.И. Гетман (Нежин). "Топонимы в художественной речи (на материале произведений Н.В. Гоголя и Е.П. Гребенки)", А. Павленко (США) «Поэма Н. Заболоцкого "Лодейников": структурально-семиотический подход», Е.Г. Руднева "Словесный текст в составе художественного целого", М.О. Шигарева (Дрогобыч) «Антиномия верхнего и нижнего в языковой картине мира повести М. Булгакова "Собачье сердце"», Э.М. Свеницкая (Киев) «Слово и время в "Поэме без героя" А. Ахматовой».

Методика преподавания русского языка как иностранного стала темой докладов З. Полови (США) "Американские студенты пишут по-русски: подход к сочинению на продвинутом уровне занятий русским языком в классе", Е.П. Солонской

(Харьков) "О некоторых аспектах восприятия и производства звучащей речи в процессе овладения неродным языком", Т. Йордановой (Болгария) «Лингвострановедческие элементы в учебнике "Русский язык для 11 класса" болгарской школы».

Конференция завершилась дискуссией за "Круглым столом", где обсуждалась ситуация двуязычия на Украине, ставились вопросы изучения народного украинского языка.

Практическим результатом конференции можно считать вышедший в свет сборник "Язык и культура" Третья международная конференция. Тезисы и доклады. Ч. 1-3. Киев, 1994.

М.Л. Гордиевская (Москва)

14-15 сентября 1994 г. в Киеве состоялся научный семинар "Проблемы региональной ономастики", организованный Отделом ономастики Института украинского языка НАН Украины. В работе семинара участвовали представители большинства ведущих ономастических центров республики, а также специалисты из России и Румынии.

В открывшем научные занятия докладе А.С. Стрыжка (Киев) "Германцы и Украина" рассматривались вопросы межэтнических контактов населения будущей Украины эпохи упадка Трипольской культуры (рубеж III-II тысячелетия до н.э. - начало II тысячелетия до н.э.) и расселения носителей шнуровой керамики.

И.М. Железняк (Киев) в докладе "Лингвистическая аналогия и формирование топонимного ареала" показала, что аналогия, особенно активная на уровне словообразования, в ономастической лексике проявляется сложнее, чем в апеллятивной, поскольку семантика многих ойконимических основ нивелирована. Этимологически темные названия менее подвержены аналогической активности. В докладе ставился также вопрос о протяженности действия и направления распространения аналогии внутри топонимного контекста.

Общую концепцию топонимикона, типы и структуру словарных статей, а также пробные тексты вынес на обсуждение Е.С. Отин (Донецк) в докладе "Историко-этимологический словарь гидронимов юго-восточной Украины".

Обратившись к этимологии гидронима *Уж*, О.П. Карпенко (Киев) в выступлении "Гидронимный диалектизм правобережного Полесья" показала, что форма *Уж* не следствие дестимологизации, а последовательная трансформация диалектной формы *Уш / Уша* в литературную.

Вопросам выделения ономастических древностей в бассейне верхней Припяти было посвящено выступление В.П. Шульга (Киев) "Лексические архаизмы в топонимии Волынского Полесья и некоторые проблемы реконструкции праславянского этимона". Докладчик затронул вопросы выделения детерминантных групп (комплексов) в структуре праславянских образований от индоевропейских глагольных основ на гласные и сонанты.

Необходимость систематизации топонимов с корневыми морфемами *вер-*, *вир-*, *вор-*, *вар-* и архаичными префиксами *ко-*, *ига-*, *че-* на широком славянском и финноугорском фоне отметила Л.П. Михайлова (Петрозаводск) в выступлении "Древние славянские элементы в топонимии Карелии".

В докладе "Основы тюркского происхождения в гидронимии Кировоградской" В.В. Лучик (Кировоград) привлек внимание к речным названиям, не попадавшим в поле зрения исследователей или не имеющих общепринятой этимологии (*Аджамка*, *Кагарлык* и др.).

СВ. Конча (Киев) в докладе "К объяснению одного из названий на карте Птолемея" пытался показать, что форма *РороVaKoi* означала "жители боровой местности" и отражала основу **boru!* <— **borux*. Элемент *koi* соответствовал праслав. **-bk(oi)*, который после второго смягчения заднеязычных образовал суффикс *-ыц(і)*.

"Элементы украинского языка на картах Гийома де Боплана", обнаруженные Ю.О. Бондаренко (Киев), побудили докладчицу к созданию рекомендаций для современной передачи украинских топонимов на французский язык.

Высокопродуктивный "Предлог и префикс *за* в микротопонимии Волыни и Западного Полесья" стал предметом типологического анализа в выступлении Г.Л. Аркушина (Луцк).

Историко-культурному и лингвистическому значению микротопонимии, ее семантико-мотивационным группам и межязыковым контактам был посвящен совместный доклад Л. Тарновецкой и О. Федуневич (Черновцы) "Особенности микротопонимии Буковины".

Приведя синхронный и диахронный материал по варьированию черкасских хоронимов, а также примеры псевдохоронимов, краевед М.Ф. Пономаренко (Золотоноша) в докладе "Проблемы и вопросы хоронимии Черкащины" призвал к уточнению (стандартизации?) как самих хоронимов, так и значения термина "хороним", не совпадающего в ряде работ.

Основной пафос выступления З.В. Рубцовой (Москва) "Чернобыль? Юд-балей?" сводился к тому, что недостаточное внимание к полевой ономастической работе приводит к утрате многих возможностей при решении собственно лингвистических, этимологических, этногенетических и других задач, в том числе таких простых, как идентификация объектов на карте и в письменных источниках.

На заключительном заседании были прочитаны доклады по антропонимической тематике. Так, русские и украинские памятники одного временного среза положила в основу сообщения "Типы наименования лица в середине XVI в." И.В. Ефименко (Киев), установившая общее и различное в характере именных формул русских и украинцев того периода.

Яркий спектр словообразовательных моделей антропонимов от самых продуктивных до редких и архаичных (например, *Лях* <— *Иля* <*т-* *Иля*) был представлен в докладе С.К. Богдан (Луцк) "Варианты личных имен в прибужских говорах". Докладчица обратила внимание на различительную роль именных вариантов и на ареальную избирательность антропонимных моделей в разных говорах (селах).

Антропонимный материал "Регистров войска Запорожского" 1649 г. лег в основу сообщения "Ареальная дистрибуция антропооснов украинских фамилий периода их становления" О.Я. Добровольской (Ужгород), вычленившей дофамильный апеллатив, опираясь на украинские диалектные словари (например, *Дуденко* <— *дуд* "тутовое дерево" и т.п.). По наблюдениям докладчицы, все три украинские наречия вошли в состав фамилий, но более частотны диалектизмы юго-западного говора.

В выступлении, вызвавшем наибольшую активность участников семинара, "Антропонимия карпатского региона и проблема реконструкции славянских автохтонных имен" содокладчицы Л. Тарновская (Черновцы) и Э. Пицур-Эне (Бухарест) подчеркнули, что для окончательных выводов о времени, территориальном функционировании славянских имен, их даль-

нейшей трансформации в прозвании и фамилии, для их картографической и лексической обработки не хватает синхронного материала.

Подводя итоги работы, В.В. Лучик (Кировоград) выразил надежду, что семинар послужит углублению и расширению дальнейших ономастических исследований.

З.В. Рубцова (Москва)

18 мая 1994 г. в Институте языкознания РАН в рамках деятельности Сектора теоретической лингвистики ИЯ РАН и Научного Совета по теории и методологии языкознания РАН состоялось заседание, посвященное 100-летней годовщине со дня рождения Розалии Осиповны Шор.

Во вступительном слове заведующий Сектором теоретической лингвистики, председатель Совета по теории и методологии языкознания РАН, акад. РАН Ю.С. Степанов (Москва) кратко охарактеризовал научную деятельность Р.О. Шор - одного из ведущих советских языковедов 20-30-х гг. По словам выступавшего, Р.О. Шор была ученым-энциклопедистом, внесшим неоспоримый вклад как в теоретическое, так и в историческое языкознание. В книге "Язык и общество", в статьях "Выражение и значение", "Кризис современной лингвистики" и др. Р.О. Шор выступает не только на редкость широко и фундаментально образованным, но и оригинально мыслящим лингвистом-теоретиком; до сих пор не потеряли научной ценности ее работы по санскриту, по фонетике и грамматике тюркских и кавказских языков. Огромное значение для отечественной лингвистики имели изданные в 1930-е гг. ее усилиями и классические труды Соссюра, Вандриеса, Сепира, Мейе, Томсена. Не менее важно, что Р.О. Шор была крупным литературоведом, - достаточно вспомнить ее хрестоматию по литературе средних веков, исследования памятников санскритской литературы, глубокие статьи в "Литературной энциклопедии", работы по теории перевода. Ю.С. Степанов подчеркнул, что равноправное сочетание в Р.О. Шор лингвиста и литературоведа являлось выражением того почти утраченного ныне духа единства филологического знания, который был

столь характерен для русской филологической школы.

К большому сожалению собравшихся, на заседании не смог присутствовать один из патриархов отечественного языкознания, ученик Р.О. Шор - Э.А. Макаев (Москва). По просьбе Э.А. Макаева, его "Воспоминания о незабвенном учителе" зачитала Е.С. Кубрякова (Москва). В своих "Воспоминаниях" Э.А. Макаев рассказал о годах учения у Р.О. Шор, о специфике ее подхода к изучению языка и текста - это отчетливо проявлялось даже в занятиях с аспирантами. Э.А. Макаев вспоминает, что ее своеобразие бросилось в глаза, когда он сдавал экзамен М.Н. Петерсону. Хотя и Р.О. Шор и М.Н. Петерсон были учениками В.К. Поржезинского, между ними были принципиальные научные расхождения, которые никакими внешними причинами (например, отношение к марризму) объяснить невозможно. Ее подходу, в отличие от московской формальной школы, стремившейся к имманентности изучения языка, был свойствен глубокий филологизм. Э.А. Макаеву удалось нарисовать цельный облик своего учителя, показать органичное сочетание в ней строгости и юмора, доброты и принципиальности, внимания к языковым деталям и способности к фундаментальным обобщениям.

Дочь Р.О. Шор - Е.Н. Шор (Москва) - прочла фрагменты из своей книги воспоминаний, восстанавливающих атмосферу и реалии 30-х гг., как они отложились в детском сознании. В первом фрагменте рассказывается о художественном творчестве Р.О. Шор-ребенка: она писала новеллы, публиковавшиеся в журнале "Детское чтение" (позднее "Детский мир"); во втором - говорится о невероятной работоспособности Р.О. Шор, о ее самоотверженном, непрерывном - без выходных и отпусков - научном труде.

В.А. Кочергина (Москва) в докладе "Р.О. Шор и санскритология" отметила, что интересы Р.О. Шор как литературоведа и лингвиста удачно сочетались в ее исследованиях по санскритологии. Докладчица остановилась на трех моментах: 1) исследования Р.О. Шор в области древнеиндийских языков, 2) ее переводческая деятельность, 3) статьи в "Литературной энциклопедии". В статье "Семантика ведийского аориста" Р.О. Шор на большом материале доказывала, что грамматическое значение древнеиндийского аориста видовое, а не временное, как было принято думать. Хотя этот вопрос до сих пор остается открытым, эта работа, опирающаяся на большой

фактический материал, является удачным образцом построения грамматики на базе семантики грамматических категорий. Наиболее известными переводами Р.О. Шор с санскрита являются "Панчатантра" и "Двадцать пять рассказов Веталы". Ее переводы из древнеиндийской литературы являются одновременно исследованиями, до сих пор не потерявшими значения. Так, в предисловии к одному из сборников Р.О. Шор опровергла концепцию Ж. Бедье о полигенезе бродячих сюжетов. Рассматривая мировую литературу как единое явление, она стремилась найти аналогии между древнеиндийской и средневековой западно-европейской литературами. Наиболее значимыми ее статьями в "Литературной энциклопедии" являются статьи "Древнеиндийская литература", "Древнеиндийские языки", а также статьи, посвященные Ведам, эпическим поэмам, крупным литературным произведениям и авторам. Р.О. Шор писала не только о санскритоязычной литературе, но и о литературе на среднеиндийских языках, рассматривала литературу буддизма и джайнизма. Доклад В.А. Кочергиной был шире своего названия: докладчица подробно охарактеризовала статьи Р.О. Шор в "Литературной энциклопедии", тематический спектр которых очень широк (помимо индийской филологии - общее языкознание, западноевропейская средневековая литература, теория литературы, поэтика, стилистика), а точность и глубина демонстрируют энциклопедические знания автора.

В.М. Алпатов (Москва) в докладе "Р.О. Шор и марризм" говорил о позиции Р.О. Шор в спорах 20-30-х гг., связанных с "новым учением о языке" Н.Я. Марра. Ее позиция была промежуточной: она по существу не была марристской, но пыталась интегрировать отдельные элементы "нового учения о языке" в лингвистическую науку. Р.О. Шор не считала главной стороной учения Марра элементный анализ и выдвигала на первый план более приемлемые для науки стороны марризма, такие, как, например, идеи о смешении языков. Такая позиция была уникальна для 20-х гг., однако к концу 30-х гг. на нее встали большинство учеников и последователей Марра. Взгляды Р.О. Шор не принимались ни марристами, ни их противниками.

Доклад С.Ю. Мазура (Москва) "Проблемы теоретической лингвистики в трудах Р.О. Шор" состоял из двух частей. В первой части докладчик опровергал сложившееся представление о Р.О. Шор как о лингвисте-теоретике неоригинальном и "склонном к

эклектизму" (хотя глубоко и разносторонне образованном). Во второй - стремился показать, что за ее внешней эклектичностью скрывалась цельная лингвистическая теория фундаментально обоснованная философски. По мнению докладчика, неверно рассматривать Р.О. Шор как последовательницу французской социологической школы. Тем более невозможно видеть в Р.О. Шор сторонницу - в духе времени - "социологического" (не говоря уже о "марксистском") метода изучения языка, несмотря на утверждение, что ее задача - "свести все многообразие языковых фактов к каузальному единству путем выделения социального момента в слове". Для нее, глубоко усвоившей феноменологическую критику редукционизма, "социологический редукционизм" был не более приемлем, чем психологистический или натуралистический.

По мнению докладчика, если по отношению к Р.О. Шор и можно говорить о каком-либо редукционизме, то это был "редукционизм" филологический, неизбежно следующий из признания того факта, что единственным предметом лингвистики как эмпирической науки является язык, понимаемый (по Г.Г. Шпету) как "вещь мира культурно-социального". Соответственно определяется и метод эмпирической лингвистики - метод историко-культурной интерпретации, т.е. метод филологический. Иные задачи у лингвистики теоретической как формальной онтологии слова. В своем понимании предмета и метода лингвистики Р.О. Шор, действительно, была неоригинальна, поскольку принадлежала, по ее же словам, к «молодой московской лингвистической школе, группирующейся под знаменем "Эстетических фрагментов" Шпета». Оригинальность Р.О. Шор состояла в том, что она проникательно увидела в философии Шпета возможность "подведения философского фундамента под социальную теорию языка и согласования ее основных положений" с логико-семиотической концепцией Гуссерля, что освобождало последнюю от психологизма. Далее докладчик определил систему теоретической лингвистики, разрабатывавшуюся Р.О. Шор, как лингвистический реализм в противоположность лингвистическим концептуализму и номинализму и привел некоторые параллели (Г. Пауль, К. Бюлер). По мнению докладчика, опиравшаяся на философскую систему Шпета лингвистическая школа, к которой принадлежала Р.О. Шор, создавала подлинно новое учение о языке, в некоторых самых общих методологических

$$|{}^w \mathcal{N}_0^{***}\rangle_{-n} \bullet$$

положениях совпавшее с "новым учением о языке", чем и объясняется научная позиция Р.О. Шор в 20-30-е гг.

Чл.-корр. РАН Э.Р. Тенишев (Москва) не мог присутствовать на заседании и представил свой доклад "Р.О. Шор как исследователь тюркских языков" в письменном виде. Э.Р. Тенишев отметил, что работы Р.О. Шор по тюркским языкам до сих пор не утратили своего значения и нуждаются в переиздании. Исследуя инструментальным методом состояние смычных согласных в чувашском языке (1929), Р.О. Шор пришла к заключению, что определение звонких и глухих смычных чувашского языка как полувзвонных и отожествление их с безголосыми mediae неверно. Это положение было проверено Р.О. Шор позже на материале азербайджанского языка в отношении взвонного "q", который определялся до этого тюркологами то как "неполновзвонный", то как "глухой" или "звонкий". Пользуясь тем же инструментальным методом, Р.О. Шор показала (1936), что согласный "q" в положении перед гласным в начале слова может быть охарактеризован как взрывной безголосый, озвонченный только в отступе. Теперь это

положении стало аксиоматическим. Исследуя "аджаро-турецкое" наречие, она указала на наличие трех членов в оппозиции переднеязычных и губных согласных: $t - d$ б и р - $\hat{e}$ - ф и з ных придыхательными являются б и ф, свойственные грузинскому и лазскому языкам. В аджаро-турецком эти фонемы придыхательны не только в заимствованных из грузинского словах, но и в собственно турецких, т.е. имеют соответствия в других тюркских языках. В результате Р.О. Шор приходит к заключению, что "здесь как будто налицо случай (так остроумно оспариваемый Мейе в его споре с Шухардтом) фонетического смещения в собственном смысле, т.е. оформления лексического материала одного языка в соответствии со звуковыми особенностями другого".

В заключительном слове Ю.С. Степанов отметил актуальность затронутых докладчиками проблем, а также желательность издания неопубликованных и переиздания малодоступных ныне трудов Р.О. Шор.

СМ. (Москва)